

I.

Періодъ Корбаччо и послѣднихъ дней Декамерона особенно важенъ для внутренней біографіи ихъ автора; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ позволяетъ намъ поставить нѣсколько общихъ вопросовъ о характерѣ того умственного движенія, которое мы называемъ гуманистическимъ.

Въ своей біографіи Данте Леонардо Бруни характеризуетъ два рода поэзіи: одна поэзія вдохновенія, наитія, другая, основанная на наукѣ и изученіи, соединяющая разсудочность съ воображеніемъ. Таковой представляется ему поэзія Данте. Въ основѣ ея цѣлая энциклопедія средневѣковаго знанія, церковно-философскаго и того, которое гуманисты отвели себѣ въ собственный удѣлъ; но все это объединено одной идеей, наука смиряется передъ откровеніемъ, и не она одна выводитъ къ свѣту заблудившагося въ лѣсу личныхъ и общественныхъ прегрѣшеній.

Мы не сравниваемъ Божественную Комедію съ пародіей Корбаччо, но любопытно, какъ поставлены въ послѣдней отношенія науки и религіи: изъ чистилища плотской любви никто не можетъ выйти безъ верховной помощи, говоритъ Боккаччо посланный свыше руководитель, но онъ же указываетъ ему на «его философію», на его «науку»: онѣ должны были бы научить тебя многому, наставляетъ онъ его и снова отсылаетъ его—къ музамъ.

Синтезъ Божественной Комедіи видимо нарушенъ: свѣтская мысль не растворяется, какъ прежде, въ религіозной, а заявляется рядомъ съ нею. Авторитетъ церкви не нарушенъ: Петрарка ре-

лигіозень, Боккаччо даже суевѣренъ, но развитіе новыхъ общественныхъ формъ, при разрозненности старыхъ, и поднятій интересъ къ личной жизни постепенно выдвигаютъ вопросы, на которые чаще слышатся отвѣты, заимствованные не изъ сферы освященнаго церковью научнаго и этическаго преданія: вопросы личной нравственности и житейской практики. Жизнь ставитъ ихъ, свѣтская литература классиковъ помогаетъ ихъ формулировать; встрѣча опыта и откровеній древности ведетъ къ нѣкоторымъ обобщеніямъ, пускаетъ въ оборотъ массу новыхъ идей, закупающихъ своимъ старымъ классическимъ чеканомъ; критическая мысль крѣпнетъ, не приводя еще къ новому метафизическому синтезу: на это отвѣчала христіанская догма. Оттуда у Петрарки и Боккаччо и раннихъ гуманистовъ безсознательная раздвоенность: средневѣковой разладъ духа и плоти, неба и «міра», обострился для нихъ по мѣрѣ того, какъ плоть объединялась съ понятіемъ античной красоты¹⁾, «міръ» становился силой; классики по вкусамъ и инстинктамъ, христіане сердцемъ, они вдумываются въ Цицерона, мечтаютъ съ Платономъ, отождествляютъ Фортуну съ промысломъ, называютъ Христа Кодромъ, но ихъ религиозный синкретизмъ останавливается на полу-пути между поэтической игрой и чаяніемъ, возрѣнія Цицерона повѣряются ученіями церкви, и въ дѣлахъ вѣры простецъ-христіанинъ знаетъ больше Марка Туллія²⁾. У этихъ людей нечего искать какой-либо ясной философской системы; что ихъ интересуетъ — это вопросы этики, психологіи, политики: о доблести и благородствѣ, о фатумѣ и свободѣ, о задачахъ поэзіи и лучшей формѣ правленія. Въ этой области анализъ могъ идти далеко, видимо не вызывая догматическихъ противорѣчій и, вмѣстѣ, обостряя личный критерій — при упадкѣ общественнаго, традиціоннаго. Обновляется античный культъ дружбы, свободно и разумно выбирающій сочувствія, тогда какъ семья связываетъ свободу, а въ любви плот-

1) Statius, Theb. VI, 571—2: membrorum . . . laetitia.

2) Petrarca, De sui ipsius et aliorum ignorantia, стр. 1054.

ская страсть заглушаетъ человѣчность. Въ нареканіяхъ противъ женщинъ и брака у Петрарки и Боккаччьо, у веронскаго гуманиста XIV—V вв. маэстро Марцагайа¹⁾ и еще у Л. Б. Альберти сказывается не столько старческій поворотъ къ мизогиническому настроенію средневѣковыхъ ригористовъ, сколько болѣзненный культъ ушедшей въ себя индивидуальности, самодовольно повторявшей за Горациемъ: *Nil ait esse prius, melius nil Caelibe vita*; храбрый ты человѣкъ (*cordatissimum*), пишетъ Заноби какому-то анониму, что, женившись въ молодыхъ лѣтахъ, надѣшься, что тебя хватить и на науку и на жену²⁾. Гуманистъ ищетъ уединенія, любитъ безмолвныя красоты природы — не для общенія съ небомъ, какъ у подвижниковъ христіанства, нерѣдко почерпавшихъ въ этомъ искусствѣ новыя силы для служенія обществу, любовь къ людямъ ради неба. Гуманисты не альтруистичны: въ природу они проецируютъ самихъ себя, вынося изъ уединенія обостренное сознаніе своего «я», своего нравственнаго и умственнаго преуспѣянія, своего благородства, не унаслѣдованнаго, а прибрѣтеннаго подвигомъ мысли. Объ этомъ они громко заявляютъ, Петрарка и Боккаччьо откровенничаютъ своими признаніями, какъ позже Руссо; безродный Боккаччьо и учитель Сентъ-Прё любятъ женщинъ выше себя по положенію, права любви поддерживаются въ нихъ преимуществами духовнаго развитія, выдвинувшими ихъ изъ толпы.

Это открываетъ намъ другую, темную сторону вопроса. Какъ и въ эпоху Августа, «*odi profanum vulgus et arceo*» стало теперь лозунгомъ эгоистической интеллигенціи: она по призванію аристократична, не смотря на частыя восхваленія народной свободы, высокомерно гадлива къ толпѣ. Въ сущности равнодушная къ вопросамъ политики, она невольно тянетъ къ той другой формѣ индивидуализма, которая выразилась въ культурной тиранніи, но въ этой связи гуманистъ лишь рѣдко находилъ

1) Сл. Cipolla, *Antiche cronache Veronesi* стр. XVII и 277 слѣд.

2) Ciampi, *Monumenti di un Manoscritto autografo e lettere inedite di messer Giovanni Boccaccio* (Milano, 1880), стр. 101.

обезпеченіе личной свободы: приходилось поступаться человѣческимъ достоинствомъ, и самосознаніе гражданина невольно блѣднѣло передъ культомъ личной славы,

Senza la qual chi sua vita consuma
 Cotal vestigio in terra di se lascia
 Qual fummo in aere od in acqua la schiuma ¹⁾.

Она вдохновляетъ вѣнчальныя рѣчи Петрарка и Заноби да Страда, ею грезить Боккаччо; лавръ окруженъ новымъ культомъ, это живой символъ, въ которомъ у Петрарки растворяется и любовь. Вѣнчаніе литературныхъ произведеній (какъ было съ *Arg dictandi* Буонкомпаньо) и поэтовъ становится модой: въ 1215 году Муссато удостоился за свою *Esseginis* лавроваго вѣнка и поднесенія козлиной шкуры — символа трагедіи; Петрарка увѣнчанъ на Капитоліи; Карлъ IV вѣнчаетъ Заноби да Страда — и всемилостивѣйше присвоиваетъ потѣшнику Дольчибене титулъ «короля итальянскихъ буфоновъ и гистріоновъ». «Великіе люди» на очереди, о нихъ пишутъ Петрарка, Боккаччо, Гульельмо Пастренго, Филиппо Виллани, Доменико Бандино. Это влияетъ на историографію — едва-ли въ смыслѣ прогресса: вмѣсто вѣшной хронологической связи гѣтописнаго разсказа съ его провиденціальнымъ прагматизмомъ — является рядъ казовыхъ біографій, прагматизмъ выражается въ морализаціи, въ разсужденіяхъ о формѣ и славѣ; личный этический критерій переносится и на исторію: народы падаютъ, когда развиваются роскошь, гордыня и зависть, говоритъ Петрарка въ письмѣ къ генуэзскому дому; такова точка зрѣнія и учительныхъ трудовъ Боккаччо. — Слава возбуждаетъ восторги, соревнованіе, риторическія похвалы и рѣзкія проявленія самолюбія и ложной скромности, среди постоянныхъ жалобъ на зависть и наивныхъ заявленій, что слава, безсмертіе въ рукахъ поэта, который можетъ ихъ дать.

Дружба, слава, зависть — вотъ общія мѣста гуманистиче-

1) Inf. XXIV, 49.

скихъ размышленій; особенно фортуна. Ея всѣ ищутъ, жажда знанія принимается нерѣдко за сознаніе необъятныхъ силъ, а это создавало новыя права на жизнь, требовало новыхъ путей и новаго выраженія. Оттуда безпокойное исканіе, жажда передвиженій, напр. у Петрарки; молодой равеннецъ, ученикъ Донато дельи Альбанцани, поступаетъ въ 1360-мъ году къ Петраркѣ, приводитъ въ порядокъ его *Familiages*, за что безуспѣшно брались другіе; служить ему переписчикомъ и учится; серьезный, какъ старикъ, необычайно талантливый, съ громадной памятью, онъ въ одиннадцать дней усвоилъ Буколику своего наставника и самъ успѣшно подражаетъ классикамъ. Петрарка въ восторгѣ, пророчить ему блестящую будущность, а ученика уже тяготитъ его скромная доля: у него еще не отросли крылья, а онъ мечтаетъ о Римѣ и Неаполѣ, о Калабріи и Константинополѣ, гдѣ онъ научится греческому языку; объ Авиньонѣ. Дважды покидаетъ онъ Петрарку въ поискахъ за счастьемъ и теряется изъ виду на столько, что мы до сихъ поръ не въ состояніи отождествить его съ кѣмъ-либо изъ гуманистовъ нарастающаго поколѣнія ¹⁾. — Для иныхъ исканіе кончалось если не искательствомъ, то тихой пристанью хотя-бы въ хлѣбной должности секретаря папской куріи; и тамъ явился спросъ на гуманистовъ, классиковъ новаго пошиба.

Особое увлеченіе матерьяломъ классическаго знанія совпало для Италіи съ той исторической чередой, когда разложеніе старыхъ системъ, папства и имперіи, вызвало повсюду сознаніе націонализма, политическаго и культурнаго. Въ Италіи политическое единство не удалось, но чѣмъ рѣзче била въ глаза неурядица общественнаго строя, тѣмъ яснѣе выступало сознаніе культурнаго единства съ старымъ Римомъ, какъ народнымъ прошлымъ, которое понимается и живѣе и цѣльнѣе, потому что мысль освободилась отъ наивнаго синкретизма средневѣковаго съ античнымъ, а эрудиція заглядываетъ во всѣ уголки древности, проникается ея

1) *Fam.* XXIII, 19; сл. Fracassetti, *Lettere*, v. V, стр. 91 слѣд.; De Nolhac, *l. c.* стр. 100—2, 348.

міровоззрѣніемъ, интересуется ея бытомъ и искусствомъ, и не одними лишь легендами, но и реальными памятниками Рима ¹⁾). Для знатока исторіи Италія выше того, чѣмъ представляетъ ее себѣ современное поколѣніе, говоритъ въ своей вѣнчальной рѣчи Заноби да Страда; подъ исторіей разумѣтся, очевидно, римская, ибо что такое исторія, если не слава, хвала Рима? ²⁾). Въ его славномъ прошломъ, гдѣ золотой вѣкъ имперіи уживался съ доблестями республики, культурному человѣку жилось привольнѣе, и онъ охотно уходилъ туда воображеніемъ; это пріучало его въ древности искать идеаловъ, которыми измѣрялась современность, чуть дѣйствительности слабѣло передъ героизмомъ Сципіоновъ и на почвѣ пракческаго индифферентизма возникали теоретическія обобщенія, наука политики, результатъ не столько опыта, сколько классическихъ чтеній. Оттуда безпочвенность иныхъ политическихъ взглядовъ; отсюда частыя заявленія Петрарки о римлянахъ, какъ «предкахъ», и его стыдъ повѣдать Цицерону объ упадкѣ современной Италіи ³⁾; отсюда сознательное предпочтеніе латинской рѣчи итальянской, и элегическое чувство антика, и огульное осужденіе своихъ же среднихъ вѣковъ, какъ вѣковъ насилія и крови, когда люди забыли — поэзію ⁴⁾).

Поэзія — это показатель вообще умственнаго, идеальнаго содержанія классической древности; ея откровеніе — человѣчность, гуманизмъ; чѣмъ выше она цѣнится, тѣмъ презрительнѣе отношеніе къ хлѣбнымъ, неидейнымъ занятіямъ, какъ у романтиковъ, къ *mechanicae artes*, имѣющихъ ввиду одно лишь тѣло, тогда какъ свободныя искусства питаютъ душу ⁵⁾). Буржуа ненавидятъ литературу (Флоберъ): это эриколы, стяжатели Боккаччо; церковные люди видятъ въ поэзии одинъ соблазнъ — и гуманисты гурьбой возстаютъ на ея защиту. Практикѣ жизни они противоплагаютъ

1) Петрарка, Ріэнци, Фаціо дельи Уберти, Каваллино деи Черрони и др.

2) Petrarca, *Apologia contra cujusdam anonymi Galli calumnias*, стр. 1076.

3) *Fam.* XXIV, 4, и *passim*.

4) Письмо Боккаччо къ Якову деи Пизингхе у Corazzini, стр. 193—4.

5) Petrarca, *Contra med. Inv.* I, стр. 1089, 1109.

удаление отъ дѣлъ, потому что поэзія — то-же дѣло, серьезная задача жизни, въ ней вычитываютъ небывалый, таинственный смыслъ, чтобы поставить ее въ уровень съ своими внутренними требованіями. Здѣсь гуманисты двоятся: они ищутъ въ поэзіи иносказанія (то-есть, чего-то существенно- не поэтического), и вмѣстѣ съ тѣмъ ея античные образцы воспитываютъ въ нихъ новый художественный критерій, чуткость къ изяществу линій и психологическаго анализа, и они вторятъ ея образамъ и выраженіямъ, нерѣдко и мишурному блеску фразы. Аллегористы стараго, средневѣковаго пошиба, античные своимъ восторженнымъ риторизмомъ, они воображаютъ себя латинскими поэтами, но поэзія, о какой они мечтаютъ, требуетъ успокоеннаго жизненнаго синтеза, хотя бы архаическаго, какъ у Данте. Вотъ почему такъ бѣдна ихъ латинская Сафод; сонеты Петрарки, Декамеронъ Боккаччю многимъ обязаны ихъ классическимъ чтеніямъ, но вдохновеніе этихъ произведеній стоитъ внѣ той обострившейся гуманистической программы, которая побуждала Петрарку рисоваться пренебреженіемъ къ своей итальянской музѣ, а старика Боккаччю¹⁾ видѣть въ Петраркѣ-латинистѣ возстановителя истинной поэзіи. Она заглохла въ Италіи со времени великихъ классиковъ, говоритъ онъ, въ средніе вѣка ея искра таилась въ нѣсколькихъ ничтожныхъ латинскихъ поэтахъ (изъ которыхъ не всѣ принадлежатъ Италіи): Катонъ (вѣроятно, Діонисіа, авторъ *Dictamina*), Просперъ (аквитанскомъ), Памфилъ²⁾ и Арригетто (да Сеттимелло, авторъ *De Diversitate Fortunae*). Боккаччю забылъ— всю итальянскую поэзію до Данте: Данте будто-бы первый отважился вкусить отъ медоточивыхъ струй, забытыхъ въ теченіи вѣковъ, хотя шелъ онъ и не путемъ древнихъ, а необычной околицей; снова побудилъ онъ дремотствовавшихъ музъ и Феба къ пѣснямъ на родномъ языкѣ³⁾, не плебейскомъ и простонародномъ, какъ пола-

1) Въ томъ же письмѣ къ Якову dei Pizzinghe, l. c. стр. 194 слѣд.

2) См. выше, т. I, стр. 117 слѣд.

3) *Maternum . . . cantum*.

гали иные, ибо онъ искусно ¹⁾ углубилъ смыслъ его реченій ²⁾. — Подразумѣвается аллегоризмъ Данте, онъ одинъ и спасаетъ его итальянскую рѣчь отъ обвиненія въ простонародности; лишь Петрарка вступилъ на древнѣй, настоящій путь, возстановилъ Аполлона на его престолѣ, вернулъ піэридамъ ихъ прежнюю красу. Очевидно, не авторъ *Canzoniere*, а поэтъ Африки. Такъ мечталъ о себѣ и Петрарка ³⁾.

Таково міросозерцаніе ранняго итальянскаго гуманизма, кульминирующаго въ Петраркѣ и Боккаччо; онъ было выраженіемъ національно-культурной идеи при политической слабости и ростѣ личнаго сознанія. Многое въ его типахъ и общихъ мѣстахъ, если не стремленіяхъ, напоминаетъ латинскихъ поэтовъ западныхъ, главнымъ образомъ, французскихъ школъ XII—XIII вѣковъ: та-же исключительность литературныхъ вкусовъ, то-же увлеченіе классической поэзіей; аллегоризмъ, играющій отождествленіями Юпитера съ христіанскимъ Богомъ, и кокетливое подражаніе приемамъ древней реторики въ декламаціяхъ, описаніяхъ; тѣ-же идеи славы, боязнь зависти, нареканія на фортуна — и болѣзненность самосознанія, уединяющагося отъ толпы въ пессимизмъ, который питаетъ сатиру. Все это навѣяно выборками изъ чтеній, отзывается затхлостью школьнаго кружка, его расходившимися самолюбіями и наивнымъ представленіемъ, что поэзія прежде всего — трудъ; трудъ грамматика, центониста. Еще у Боккаччо слышно это представленіе, но онъ же подсказалъ и возраженіе Петрарки: что выше труда — талантъ, вдохновеніе ⁴⁾. Чего недостаетъ тѣмъ школьнымъ поэтамъ — это не столько вдохновенія, сколько широкой подкладки, заставляющей насъ ощущать явленіе итальянскаго гуманизма, какъ народное, навѣянное не школой, а условіями культуры. Его родословной надо искать на итальянской же почвѣ, въ типахъ и теченіяхъ,

1) *Artificioso schemate*.

2) Сл. Gen. Deor. XIV, 2: *noster Dantes, dato sermone materno sed artificiose scriberet*.

3) *Africa IX, 222 слѣд.*

4) Сл. выше стр. 56, 58.

услѣдить которыя дѣло будущаго историка. Въ эпоху отъ учениковъ Сенеки старшаго до Симмаха онъ встрѣтитъ на почвѣ Рима такой же болѣзненный культъ литературной профессіи и то же чванное самосознаніе литератора при ослабленіи другихъ соціальныхъ интересовъ. Грамматики свѣтской школы, отъ готской эпохи до Ансельма Перипатетика продолжаютъ этотъ типъ въ противорѣчій съ общимъ теченіемъ средневѣковой мысли. Блюстители классическаго преданія, проникнутые свѣтскими интересами, они идутъ въ уровень тѣхъ культурныхъ слоевъ, которыя участвовали въ паганіяхъ короля Гуго, проникались чисто-языческимъ настроеніемъ такой пьесы, какъ: *O admirabile Venegis idolum!* (не позже VII вѣка), а въ VIII—X вѣкахъ вызывали упреки ревнителей въ нравственной распущенности, гражданскомъ безразличіи, слабости религіозныхъ интересовъ — темной сторонѣ индивидуализма, не сдержаннаго авторитетомъ сильной власти и глубокаго вѣрованія; тѣхъ слоевъ и настроеній, которыхъ не сломила реформа XI вѣка, потому что она была церковная, не общественно-религіозная.

Это уже то движеніе, которое мы назовемъ гуманистическимъ, когда въ немъ явится сознаніе критерія и матеріалъ классической мысли и идеаловъ будетъ служить цѣлямъ не грубаго переживанія или грамматической забавы, а личнаго обновленія. Обновленія на почвѣ родной старины, какъ въ программѣ романтиковъ. Сѣверно-европейскій романтизмъ сбросилъ съ себя вѣка преданій и фиктъ, чтобы обновиться въ природѣ, въ свободной народной старинѣ, или въ томъ, что казалось народностью, со включеніемъ католичества. Гуманизмъ, въ періодъ своей сознательности — это романтизмъ самой чистой романской расы, передъ которой открылась обѣтованная земля и забытыя народныя основы. «Ужасное начало», «неприступная гора», казалось, миновали, за ними очутились «прекрасная, чудная поляна», и путники любятъ ея тѣмъ болѣе, «чѣмъ болѣе было труда при восхожденіи и спускѣ» ¹⁾.

1) Декамеронъ, Введеніе въ 1-й день = тр. I, стр. 5.

Такой именно вѣковой процессъ мы вправѣ предположить, онъ совершался постепенно, ускользя отъ глазъ; вотъ почему яркіе образы Петрарки и Боккаччо поражаютъ насъ, являясь въ концѣ неосвѣщенной перспективы.

Въ нее мы не заглянемъ; нашей ближайшей цѣлью было-бы узнать, кто были сверстники этихъ дѣятелей, близко стоявшіе къ нимъ по возрасту, прошедшіе школу не у нихъ и тѣмъ не менѣе приготовившіе себя къ ихъ влиянію. Такая постановка вопроса выяснила бы намъ въ общемъ движеніи долю массы, спросъ времени и мѣру личныхъ воздѣйствій.

Разумѣется, мы не ожидаемъ великихъ откровеній: забытое исторіей обыкновенно забыто по праву, но оно должно быть поставлено въ счетъ именамъ, удержавшимся въ исторической памяти. Къ сожалѣнію для отвѣта не достаетъ матерьяловъ, генезисъ скрывается за результатами, на которые вожди уже наложили свою печать. Движеніе широко обняло всю Италію, коснулось разныхъ профессій; немногочисленные письма Боккаччо скупы указаніями. Въ числѣ его неаполитанскихъ учителей и покровителей мы видѣли людей старой школы, вродѣ Діонисія изъ Борго Санъ Сеполькро и короля Роберта, эрудитовъ въ стилѣ Паоло изъ Перуджін¹⁾, но они не яркіе представители того увлеченія латинскою древностью и литературой, которое становится впоследствии казовымъ признакомъ гуманизма. Въ поколѣніи до Петрарки ихъ нужно искать въ Конвеневоле изъ Прато, его учитель, въ аретинскомъ грамматикѣ Бандино († 1348), судя по восторженнымъ отзывамъ о немъ его сына, Доменико; въ университетѣ съ Джьованни ди Вирджилио, авторомъ эклога и аллегорическихъ толкованій на Овидіевы *Метаморфозы*, сѣтовавшимъ на то, что Данте не предпочелъ написать свою *Божественную Комедію* по латыни; въ ученомъ нотариатѣ, игравшемъ такую роль въ культурномъ развитіи Италіи — съ падуанскимъ юристомъ и поэтомъ Ловато Ловати, котораго такъ высоко ставилъ

1) См. выше т. I, стр. 30 слѣд.; 79 слѣд.

Петрарка ¹⁾, съ его младшимъ современникомъ Альбертино Муссато, авторомъ первой извѣстной намъ трагедіи сенековскаго типа, *Esseginis*, съ племянникомъ Ловато, эпиграфистомъ Роландомъ да Пьяццола. Отмѣтимъ для Виченцы поэта и историка Феррето деи Феррети и юрисконсульта Джери изъ Ареццо ²⁾.

Къ нимъ-то примыкають молодые гуманистическіе кружки; мы познакомились съ однимъ изъ нихъ, неаполитанскимъ, и его представителемъ Барбато; его характеристика можетъ быть вмѣнена всему движению ³⁾. Тому-же движению принадлежать, вѣроятно, и Чекко деи Росси изъ Форли ⁴⁾, и Пьетро де Мульо или де Реторика, пріятель Петрарки и Боккаччьо, частный преподаватель реторики въ Болоньѣ въ половинѣ 40-хъ годовъ, позднѣе, около 1360-го, извѣстный профессоръ въ Падуѣ. Боккаччьо поздравлялъ его съ этимъ переходомъ, направляя къ нему двухъ учениковъ, жаждавшихъ его наставленій: одинъ изъ нихъ, Джюванни изъ Сіаны, молодой учитель грамматики въ флорентинскихъ школахъ, человекъ бѣдный, которому Боккаччьо просилъ оказать помощь, пріиславъ ему занятіе репетитора; другой—пріоръ изъ Чертальдо, Актеонъ, обратившійся въ оленя, шутить Боккаччьо; онъ и направилъ его отъ собакъ и ястреба въ школу къ тому-же Джюванни; еще не многому научился Актеонъ, но уже стыдится возможнаго неуспѣха и потому послѣдовалъ за своимъ учителемъ; пусть и на него Пьетро обратитъ свое вниманіе во имя дружбы къ пишущему и къ достославному Франческо Петраркѣ, ихъ общему наставнику ⁵⁾.

Болѣе матерьяла для характеристики гуманистическаго движенія, совмѣстнаго съ Боккаччьо и Петраркой, представляетъ

1) *Reg. mem.* II, 3, стр. 422.

2) *Novati, Nuovi Studi su Albertino Mussato, Giorn. Stor. della letter. ital.* fasc. 16—17, стр. 187—8.

3) Сл. выше т. I, стр. 99 слѣд.

4) Сл. выше т. I, стр. 375—6.

5) *Corazzini*, I. c. стр. 333 слѣд.: письмо 1363 либо 1368 года. Сл. *Novati, La giovinezza di Coluccio Salutati* стр. 36 прим. 2 и слѣд.

обширная переписка послѣдняго; но это матерьялъ внѣшній, свидѣтельствующій о широтѣ, не о содержаніи движенія. Перечисленіе именъ было-бы недоказательно; мы выберемъ немногія. Въ Пармѣ живетъ, въ домѣ Корреджи, нотаріусъ Моджо деи Моджи, въ качествѣ секретаря и воспитателя молодыхъ Джиберто и Аццо; Петрарка переписывается съ нимъ, у нихъ общіе литературные друзья: Нери Моранди изъ Форлі, Габріэле Загорео, авторъ трактата *de Virtutibus*, Ринальдо да Виллафранка, венеціанскій канцлеръ Бенинтенди, съ которымъ Петрарка сблизился со времени своего посольства въ Венецію въ 1353 году ¹⁾. О бергамскомъ грамматикѣ Кротѣ, доставившемъ Петраркѣ списокъ Тускуланъ, шла молва, что лучше его во всей Италіи никто не знаетъ Цицерона ²⁾; съ веронскимъ нотаріусомъ, Гульельмо Пастренго, авторомъ *De viris illustribus*, Петрарка знакомъ съ Авиньона и нерѣдко пользуется сокровищами его библіотеки ³⁾.— Во Флоренціи возлагали большія надежды на Бруно Казини: онъ былъ мастеромъ въ искусствѣ реторики, но его унесла ранняя смерть († 1348); Петрарка былъ съ нимъ въ перепискѣ ⁴⁾, но во Флоренціи его поджидала группа другихъ, болѣе яркихъ гуманистовъ, съ которыми мы встрѣтимся впоследствии.

Увлеченіе классиками становилось маніей, надъ которой Петрарка иронизируетъ: юрисконсульты, медики, забыли Юстиньяна и Эскулапа, ихъ ошеломили имена Гомера и Виргилія; плотники, валяльщики, крестьяне бросили свое дѣло и толкуютъ о музахъ и Аполлонѣ ⁵⁾. Однажды, по дорогѣ въ Виченцу, Петрарку задержали его друзья для бесѣды о Цицеронѣ, причемъ какой-то старикъ сталъ упрекать поэта, что онъ слишкомъ мало цѣ-

1) Affò, *Memorie sugli scrittori parmigiani*, t. II, стр. 84 слѣд.; Rühl, *Museum f. Philologie*, N. F. Bd. 88, стр. 11 слѣд.; Voigt, *Die Briefsammlungen Petrarca's*, стр. 4, 33 слѣд.

2) *Fam.* XVIII, 13, 14.

3) Fracassetti, *Lettere* II, стр. 437 слѣд.

4) *Fam.* VII, 14; *Ep. poet. lat.* III, 10; см. біографію у Filippo Villani.

5) *Fam.* XIII, 7.

нвтъ великаго оратора ¹⁾). Цицеронъ — и домашняя, средневѣковая латынь Бенвенуто изъ Имолы, свѣжая и оригинальная въ своемъ *laisser aller*; схематическая *Ars dictandi* или *potagia*, отзывающаяся еще у Нелли, — и блестящій при всей своей неровности стиль Петрарки и его письма, создавшія гуманистическую эпистолографію по типу Сенеки и посланій Цицерона, — вотъ контрасты, изъ которыхъ выходили къ требованію стилистическаго пуризма. У такихъ мечтателей, какъ Кола ди Ріенцо, полнаго іоахимитскихъ идей и вѣры въ пророчества Мерлина и Телесфора изъ Козенцы, манія древности переходила въ фантастическую практику; гуманистовъ она заражала поэтическими восторгами: они поютъ въ запуски, какъ Боккаччо и Чекко деи Росси, какъ Моджьо, вызвавшій укоръ канцлера Бенинтенти: Ты, слышу я, все слагаешь стихи и пѣсни, день-деньской взвѣшиваешь слова и слоги, только и занимаешься, что словами и реченіями. Что за дѣтскія шалости! ²⁾). Всѣ бросились писать эклоги, посланія, но всѣмъ мерещится нѣчто большее, откровеніе эпоса, героическая латинская поэма съ римскимъ сюжетомъ. Посчастливилось Сципіону: Боккаччо представилъ его въ бесѣдѣ съ Аннибаломъ, переложивъ въ сонеты соотвѣтствующій текстъ Ливія ³⁾, Петрарка сдѣлалъ его героемъ поэмы, съ которой носился въ теченіе всей жизни, Заноби да Страда также намѣревался воспѣть его, но оставилъ, какъ и Пьетро да Мульо бросилъ затѣю поэмы — о приключеніяхъ Анны по смерти ея сестры Дидоны ⁴⁾). Не даромъ Калліопа, торжественная муза эпоса, является представительницей поэзіи вообще, со включеніемъ драмы, хотя для нея именно не было возрожденія: преданіе античной сцены давно заглохло, и это привело въ средніе вѣка къ тѣмъ страннымъ взглядамъ на значеніе трагедіи и

1) Fam. XXIV, 2.

2) Affò, l. c. стр. 89.

3) Due poesie inedite di G. Boccacci, ed. Mabellini, 1888.

4) Novati, La giovinezza di Coluccio Salutati, стр. 40 прим. 1; сл. La Leandreide lib. IV, с. 6 у Del Balzo, Poesie di mille autori intorno a Dante Alighieri, v. II, стр. 412.

комедіи, которые отзываются въ названіи Дантовской поэмы, повторяются и у Боккаччо; къ представленію, что драма назначена для чтенія, какъ у Муссато; къ смѣшенію съ другими поэтическими родами, комическихъ поэтовъ съ Овидіемъ и т. д. Когда противники гуманистической поэзіи, обобщая или не понимая Бозція, приводили его отзывъ о музахъ, какъ сценическихъ прелюбодѣйницахъ (*scenicae meretriculae*), гуманисты чувствовали право защиты, но терялись въ средствахъ. Тѣмъ ожесточеннѣе ихъ нападки на сценическую поэзію: они отождествляли ее съ продѣлками площадныхъ потѣшниковъ, наслѣдниковъ старыхъ мимовъ, спустившихъ значеніе драматическаго дѣйства до того уровня, который такъ откровенно выразила старо-нѣмецкая глосса: *tragoedia — hurehaus*. Такимъ отождествленіемъ думали спасти поэзію героическую, ученую. — Рядомъ уже развивался народно-духовный театръ *laudesi*, но Калліопа проходила мимо него безучастно.

II.

Все это лихорадочное возрожденіе свѣтской латинской литературы предполагаетъ не только усиленное чтеніе классиковъ, но и новое къ нимъ отношеніе. Это возвращаетъ насъ къ Боккаччо: въ его образовательной программѣ много личнаго, но въ общемъ она характеризуетъ путь, по которому люди его поколѣнія выходили изъ средневѣковаго энциклопедизма къ гуманизму.

Кто въ наши дни хочетъ быть философомъ (*odierno filosofo*), тому нѣтъ нужды обладать всѣми науками тривіа и квадривіа, выразился однажды Боккаччо ¹⁾, достаточно владѣть одной, въ другихъ ограничиться энциклопедическимъ образованіемъ. Особенности послѣдняго объясняются въ немъ случайностями воспитанія. Въ Неаполѣ онъ пристрастился къ астрономіи и астрологіи,

1) *Com. Div. Comm. ed. Milanese I, стр. 429.*